

Конструкции, конфигурации, регулярности

Артём Чашечников

май 2026

Содержание

Предисловие	1
1 Онтология	3
2 Эпистемология	9
3 Сознание, «я», агентность	13
4 Воля, действие, причинность	17
5 Ценности	21
6 Этика	25
7 Самоприменимость позиции	33
8 Что позиция отказывается достраивать	37
9 Диалогический жанр	41
10 Маловероятность глобального оптимума	45
11 Открытость к собственной замене	51
12 Карта соседей в литературе	55

Предисловие

Это попытка развернуть личную философскую позицию в связный текст, обращённый к читателю без обязательного философского бэкграунда. Позиция складывалась постепенно из первых принципов. Точка её сборки своя. Готовый канон какой-то одной школы здесь не передаётся. Текст не предполагает предварительного знакомства с конкретными философами или школами. Технические термины, где они появляются, объясняются по ходу. Где философ упомянут как сосед по конкретному ходу, его позиция кратко описывается рядом, чтобы не требовать от читателя самостоятельного поиска.

В каждом содержательном разделе развиваемая здесь позиция помещается рядом с близкими ходами в литературе и противоположными лагерями. Эти упоминания выполняют роль указателей на смежную территорию, куда читатель может пойти дальше при желании. Они не являются опорами позиции в том смысле, что её правильность не зависит от того, насколько согласны с ней названные авторы. Позиция стоит на собственных аргументах.

Текст написан в диалогическом жанре. Позиция предлагается читателю как приглашение в её внутреннюю работу. Целью текста не является построить доказательство, обязывающее читателя её принять. Если в процессе чтения находится, что какие-то ходы у читателя работают по-другому, это нормальная часть встречи с любой философской конструкцией. Подробно жанр развёрнут в разделе 9.

Структурно текст устроен снизу вверх. Разделы 1-2 закладывают онтологические и эпистемологические основания. Разделы 3-6 разворачивают следствия для «я», действия, ценностей и этики. Разделы 7-11 поворачивают позицию на саму себя и разбирают её формальные свойства. Раздел 12 - навигационный индекс соседей в

литературе по тематическим осям. Поздние разделы опираются на ранние, поэтому вне контекста ранних они могут читаться неполно. Текст читается линейно.

Глава 1

Онтология

Есть один тип того, что существует - физическая структура: частицы, поля, их взаимодействия и конфигурации, в которые они складываются. Всё остальное, о чём мы говорим - мысли, ценности, общества, числа, я сам - устойчивые регулярности внутри этой структуры, а не отдельные сущности рядом с ней. То, что выглядит как «слой» поверх физического, - это другой масштаб описания, не другой план бытия.

Удерживать это нужно с самого начала, потому что обыденное мышление часто работает иначе. Когда мы говорим «душа», «закон математики», «справедливость», в самой формулировке уже зашито, что у этих вещей есть собственное место существования - какое-то, где-то отдельно. Тут такого хода нет. Не потому что слова бессмысленны: они работают, и мы будем ими пользоваться. А потому что то, на что они указывают, лежит в той же структуре, что и камни и моторы; просто на других масштабах.

Две классические позиции в философии делают как раз обратный ход. Картезианский дуализм утверждает, что у сознания есть собственная нематериальная субстанция, отдельная от тела. Математический платонизм - что числа и логические структуры существуют в собственном «царстве», независимо от физики и от умов, которые их формулируют. Обе предполагают, что у части реальности есть отдельный план бытия помимо физического. Обе тут не принимаются.

Естественное возражение здесь такое: математика всё-таки *ощущается* иначе, чем стол или эмоция - в ней есть что-то более независимое, более объективное, как будто она правда живёт в собственном плане. Ощущение реальное, но объясняется оно не отдельным онтологическим статусом математики, а её формальностью. Математическая конструкция строго определена правилами, поэтому два человека, корректно применивших эти правила, получают с очень высокой точностью одно и то же. Именно эта межсубъектная точность и создаёт впечатление, что речь идёт о чём-то, существующем независимо от нас. Но если бы мы определили «стол» с такой же формальной строгостью - через точные аксиомы и правила вывода - он бы вёл себя так же: одно и то же понятие в разных головах, точно совпадающие следствия, ощущение, что он «есть» в каком-то особом смысле. Дело не в том, что математика обитает в отдельном плане бытия. Дело в том, что её язык сильнее формализован, чем язык про столы или про справедливость, и потому даёт более чистое совпадение между умами; платоническая интуиция тут читает не онтологию, а формальность.

Слово «слой» при этом не запрещается. Оно просто работает иначе, чем хочет интуиция. Когда мы говорим про пробку на дороге, мы не имеем в виду, что над машинами летит отдельная сущность по имени «пробка». Пробка - это название устойчивой конфигурации в поведении самих машин. Фраза «пробка движется на восток» осмысленна, на неё можно реагировать, её можно измерять, но никакого добавочного объекта над машинами она не предполагает. Так же устроены биологический, психологический, социальный слои в этой картине - удобные уровни описания одной и той же структуры на разных масштабах, а не самостоятельные планы бытия.

Внутри этой картины остаётся одно различие, которое стоит сразу провести. Слово «случайно» в обычной речи покрывает два разных смысла. Первый - эпистемический: «мы не знаем, как это устроено». Подбрасывается монета; её траектория в принципе предопределена законами движения, мы просто не знаем начальных условий достаточно точно, чтобы предсказать исход. Второй - онтологический: «по самой природе нет однозначного ответа». Возможно, квантовые события устроены именно так - даже зная всё, что в принципе можно знать, у события нет предопределённого исхода до измерения. Какая

из двух случайностей действительно лежит в основании мира - открытый вопрос субатомной физики, не философии. Я остаюсь по нему агностиком: с философских первых принципов он не решается, ясность ждём от физики. На остальное это не влияет - базовая позиция держится и в случае чистой эпистемической неопределённости, и в случае реальной онтологической случайности. Меняется только то, заложена ли в фундамент мира неустранимая неопределённость, или вся неопределённость локализована в наблюдателе.

Похожее различие относится к дискретности фундамента. Возможно, на самом мелком масштабе пространство и материя состоят из минимальных неделимых единиц. Возможно, фундамент непрерывен, и любую конфигурацию можно делить без предела. Какой вариант реализуется - открытый вопрос субатомной физики, не философии. Я остаюсь и по нему агностиком. На развиваемую позицию это не влияет, потому что понятие «физическая структура» работает в обоих случаях, и описание объектов как устойчивых конфигураций не зависит от того, конечно ли число их элементов.

Если всё, что есть - это физическая структура и её конфигурации, нужно сказать, что значит «объект» внутри неё. Камень, человек, государство - устойчивые конфигурации частиц, удерживающие форму во времени. Границы между ними - локальные стабилизации поведения вещества, а не швы в самой реальности. На молекулярном уровне «где кончается моя кожа и начинается воздух» - размытая статистика обмена молекулами, а не онтологический забор. Объект - это место, где паттерн возобновляется надёжнее, чем разваливается; не место, где сама природа провела линию.

Отсюда следует первая важная вещь про смерть. Если «я» - не отдельная сущность поверх тела, а стабилизация процесса в нервной системе и в теле, то смерть - это распад стабилизации. Не переход куда-то, не освобождение чего-то, что было в теле заключено. Прекращение паттерна. И - это уже отдельное движение - сам факт такого распада не предписан физикой как обязательное правило. Второе начало термодинамики говорит, что системы скорее всего движутся в направлении большей энтропии, но это статистическое утверждение про обычные условия, не метафизическая необходимость. Фраза «смерть неизбежна» здесь читается как очень сильный вероятностный прогноз под текущими физическими

и биологическими условиями, а не как онтологическая истина. Развязка та же, что между двумя видами случайности: высокая вероятность - не встроенная обязательность.

То же различие работает в обратную сторону - про то, откуда такие стабилизации вообще берутся. Биологическая эволюция в этой картине - не отбор «для» приспособленности и не движение «к чему-то». Это статистика того же типа: что не распалось - осталось, что распалось - нет. Селекция средой - частный случай распада: окружение с большей вероятностью разрушает одни конфигурации, чем другие, остаётся то, что устойчивее. Никакой встроенной стрелы прогресса, никакой цели природы, никакого замысла - просто история того, какие паттерны в данных условиях возобновлялись чаще, чем рассыпались.

Эта позиция по основной форме не оригинальна; близкие ходы встречались в истории философии. Барух Спиноза в «Этике» (1677) утверждал, что есть только одна субстанция, а всё остальное - её модусы, то есть способы её существования, а не самостоятельные вещи. Парменид ещё в V веке до н.э. говорил, что бытие едино и неизменно, а разделения иллюзорны. Адвайта Веданта в формулировке Шанкары (около 800 н.э.) кладёт в основание недвойственность: отсутствие фундаментального разделения наблюдателя и наблюдаемого. Дерек Парфит (1942-2017) разворачивает похожую логику прицельно по вопросу личности - «я» как связка состояний, а не носитель поверх них. Альфред Уайтхед в «Process and Reality» (1929) предлагает онтологию процессов, в которой объекты - локальные стабилизации в потоке. Современный физикализм в аналитической философии - целая семья позиций «существует только то, на что ссылается физика». Имена названы не как апелляция к авторитету, а как указатели, где смотреть смежные ходы тому, кому интересно копать дальше.

Симметрично назову и противоположный лагерь - три последовательные позиции с другой стороны, которые я не разделяю. Картезианский дуализм (Декарт, 1596-1650) подробно разворачивает идею двух субстанций - души и тела, причём сознание принципиально несводимо к телу. Математический платонизм - линия от Гёделя через Пенроуза к Тегмарку в XX-XXI веках - настаивает на собственном плане бытия для математических объектов: они существуют независимо от физики и от умов, которые их открывают. Классическая субстанциальная

метафизика (Аристотель и средневековая традиция) исходит из того, что мир состоит из субстанций со встроенными эссенциями - внутренними сущностями, не сводимыми к материальным свойствам вещи. Развёрнутый спор с этими тремя - в карте соседей в разделе 12; здесь только маркер. Эта картина не принимает их по той же причине, по которой держится сама: предположение об отдельном плане бытия в неё не вписывается.

Глава 2

Эпистемология

В первом разделе утверждалось, что существует только физическая структура. Но любое такое утверждение - часть человеческой картины мира, а не прямой контакт с реальностью. Возникает вопрос: что значит «X истинно», откуда мы знаем, что что-то верно, какие способы получения знания легитимны.

Знание в этой картине - устойчивые регулярности в работе мозга и языка, которые надёжно предсказывают, что произойдёт. «Знаю, что вода кипит при 100°C» - не доступ к некоторой платоновской истине, а связка между сенсорным опытом и ожиданиями, которая проверяется практикой и обычно выдерживает проверку. Сила того, как мы что-то «знаем», - это вопрос о надёжности этой связки, а не о соприкосновении с самой реальностью без посредников.

Полезно ввести стандартную аналогию: то, что мы пытаемся описывать, принято называть *территорией* (мир сам по себе), а наши описания - *картами* (язык, теории, понятия). Прямого доступа к территории у нас нет; всё, что мы о ней говорим, уже выражено в каких-то понятиях, то есть в карте. Дальше слова «конструкция» и «карта» употребляются как синонимы: «конструкция» подчёркивает, что речь о структуре из понятий и правил, «карта» - что эта структура пытается описывать что-то за пределами самой себя.

Тут же нужна оговорка. Само утверждение «территория существует» - тоже ход, сделанный внутри какой-то карты. Внеконструкционного способа подтвердить, что за нашими описаниями действительно что-то есть, у нас нет. «Территория» в этой

позиции - в лучшем случае то, что объясняет согласованность наших карт между собой и с опытом, а не независимо установленный факт.

Близкое различие, для тех кому интересны корни, делает Иммануил Кант (немецкий философ, 1724-1804) - между *феноменами* (вещами в том виде, в каком они нам являются) и *ноуменами* (вещами самими по себе). В кантовских терминах «ноумен» соответствует «территории» из аналогии выше. Отличие от Канта в том, что Кант оставляет ноумены существующими, хоть и недоступными нам; здесь же вопрос об их существовании подвешен, как и проговорено в оговорке.

При таком взгляде наука - не путь к Истине с большой буквы, а метод производства предсказаний с наименьшей известной частотой ошибок. Её привилегированное положение в этой картине - эмпирический факт о её результатах, а не метафизическое заявление о её особом онтологическом статусе. То же касается других дисциплин, которые мы считаем серьёзными: их вес опирается на качество предсказаний и согласованность с остальным, что мы держим за работающее, а не на встроеное право говорить о реальности.

Ключевое утверждение этого раздела: истина существует только внутри той конструкции, которая её определяет. «X истинно» всегда означает «X истинно в рамках конструкции K». Пример: « $2+2=4$ » истинно в стандартной арифметике. В модулярной арифметике по основанию 4 истинно « $2+2=0$ ». Без указания, в какой арифметике мы работаем, вопрос «какое верно по-настоящему?» просто не имеет ответа - не потому что ответа нет в принципе, а потому что вопрос недоопределён.

Это различие через конструкцию проводит и Рудольф Карнап (немецко-американский философ, 1891-1970). Он отделяет внутренние вопросы от внешних. Внутренние - те, что задаются внутри уже принятой конструкции (например, внутри математики: «существует ли наибольшее простое число»); у них есть рабочие ответы, получаемые средствами самой конструкции. Внешние - те, что касаются самой конструкции (например, «правильна ли математика как способ говорить о мире вообще»); они не решаются ни внутри математики, ни внутри какой-либо другой математики - они решаются прагматически, по тому, насколько конструкция полезна для задач, под которые она применяется.

Прагматически - значит по конкретным рабочим критериям, без апелляции к абсолютному арбитру. Обычно работают четыре: предсказательная сила - насколько хорошо конструкция предсказывает то, что произойдёт; внутренняя непротиворечивость - насколько её части согласуются между собой; простота - сколько лишних сущностей и допущений она с собой тащит; совместимость с остальными конструкциями, которыми мы пользуемся, - можно ли встроить её в существующий рабочий аппарат без поломок.

Сами эти критерии не безусловны. Они выбраны прагматически, и проверяются они тоже прагматически - тем, насколько хорошо отбирают полезные конструкции. То есть прагматический выбор работает и между конструкциями, и в выборе самих критериев выбора; абсолютного арбитра у этой системы внутри неё нет. Близкая позиция - Ричард Рорти (американский философ, 1931-2007), его *ironist position*: использовать собственные критерии всерьёз, действовать по ним, но не приписывая им вечной правоты. Я держусь похужей линии - критерии выше работают, я ими пользуюсь, но не объявляю их абсолютным судом.

Тут же стоит развести две похожие по звучанию, но разные по содержанию позиции, которые часто путают. Верификационизм Венского кружка (1920-30-е) утверждал: утверждение осмысленно только тогда, когда у него есть наблюдаемые следствия. Позиция привлекательная, но самоопровергающаяся - сам этот принцип не верифицируем эмпирически, и значит, по своему же критерию, бессмыслен. Эвиденциализм - правило слабее и аккуратнее: верить во что-то следует только при достаточных свидетельствах. Это правило эпистемической гигиены, а не определение смысла; оно не выкидывает ненаблюдаемые утверждения как пустые, а просто говорит, что без свидетельств принимать их за истину - неосновательно. Здесь принят эвиденциализм. Следствие: математика, например, не отбрасывается как бессмысленная только потому, что её утверждения доказываются дедуктивно, а не через наблюдение; но и ставить ненаблюдаемые утверждения в один ряд с эмпирически поддержанными не следует - эпистемический вес у них разный.

Ещё одна привычка, которую полезно держать сознательно - сохранение скоупа. Скоуп (от англ. *scope* - область применимости) - это условия, при которых утверждение остаётся истинным. « $2+2=4$ » истинно в арифметике; считать его универсальной истиной о мире вне арифметической конструкции - это

расширение скоупа, которое из самого утверждения не следует. С эмпирическими утверждениями то же: «вода кипит при 100°C » верно при нормальном атмосферном давлении на уровне моря; в горах уже нет, а при сильно других физических условиях вообще не определено. Большая часть случаев вида «X истинно, но X не работает в этой ситуации» - не баг утверждения, а нарушение скоупа.

Остаётся один открытый момент, который здесь не закрывается, и его стоит назвать прямо. Если все утверждения сделаны внутри какой-то конструкции, то и само утверждение «истина существует только внутри конструкции» сделано внутри какой-то конструкции. Это самоприменимая структура, и она может выглядеть как самоопровержение: если позиция верна только в своих рамках, чем она лучше любой другой? Этот узел разбирается в разделе 7.

Глава 3

Сознание, «я», агентность

В первом разделе утверждалось, что в основании есть только физическая структура. Сразу возникает следующий вопрос: куда тогда помещаются сознание, ощущение «я», собственные мысли, переживание выбора? Если в фундаменте только частицы и поля, то всё остальное должно быть из них же. Открытый вопрос - *чем именно оно является.*

Позиция этого раздела короткая: сознание, «я», агентность, намерение - не отдельные вещи в мире, а устойчивые регулярности в поведении сложных конфигураций частиц. Полезная аналогия здесь - облако и капли воды. Облако - не дополнительная сущность, добавленная поверх капель; это название устойчивой группы капель и устойчивого поведения этой группы во времени. Когда мы говорим «облако движется на юг», мы не предполагаем отдельного объекта над каплями - мы описываем регулярность в их совместном движении. С «я» и «сознанием» относительно мозга и тела работает та же логика: не отдельный слой реальности, а название устойчивой регулярности в работе сложной физической системы.

В философии для такого хода есть имя - *элиминативизм* по поводу ментальных сущностей: устранение лишних единиц из картины мира. Тут стоит сразу проговорить, что именно устраняется. Устраняются самостоятельные сущности - предположение, что «решение», «намерение», «сознание» существуют как объекты, добавленные к физическому. Не устраняются функциональные описания. Фраза «человек принял решение» остаётся осмысленной и полезной как описание

конкретной регулярности в работе системы; просто за этой фразой не нужно постулировать «решение» как отдельную сущность поверх частиц.

Хороший повседневный пример - мелодия. Никакой отдельной сущности «мелодия» поверх последовательности звуков нет: есть звуки в определённом порядке и в определённых отношениях между собой. Тем не менее фраза «красивая мелодия» осмысленна, мы можем сравнить мелодии, отличить одну от другой, обсуждать их. С «сознанием», «выбором», «намерением» - та же ситуация: это полезные описания регулярностей в поведении сложной системы, а не указатели на сущности, которых иначе нельзя было бы найти в мире.

Из этого следует, что граница «я» условна. «Я» в этой картине - это название устойчивой регулярности, и у самой регулярности нет границы, данной природой. Где провести её, можно решать по-разному. Молоток в руках строителя на время работы можно описывать как часть агента. Дорожные привычки водителя можно считать продолжением его системы решений. Привычная граница «вот человек, вот окружение» удобна и хорошо работает для большинства задач. Это удобство, природного шва тут нет.

Второе следствие касается выражения «ценности внутри агента». При таком взгляде оно в строгом смысле не работает. Если самостоятельного агента поверх частиц нет, то и «внутри» не за чем замкнуто. Ценности тогда становятся функциональным свойством устойчивой регулярности, описанием того, как эта регулярность стабильно реагирует и куда поворачивается. Содержимым чьей-то внутренней комнаты они быть перестают. К этому вернёмся в разделе 5, где разбирается, что значит ценить что-то при отсутствии встроенного «ценящего».

Близкие ходы у нескольких авторов и одной традиции. Дерек Парфит в «Reasons and Persons» (1984) отрицает строгую идентичность личности во времени и описывает «я» как пучок связанных психологических состояний без жёсткой границы. Томас Метцингер (немецкий философ сознания, р. 1958) в «Being No One» (2003) формулирует «я» как репрезентацию, которую мозг строит для собственных нужд, не как отдельную сущность. Дэниэл Деннетт (1942-2024) вводит понятие *intentional stance* - агентность как способ смотреть на сложную систему, удобный для предсказания её поведения. Буддийская концепция *анатта* (не-я, около V века до н.э.) утверждает то же по форме. Нет постоянного «я» как отдельной сущности.

То, что переживается как «я», - поток сменяющих друг друга процессов, не объект под ними.

Противоположную позицию по природе сознания занимает Дэвид Чалмерс (австралийский философ, р. 1966), который в книге «The Conscious Mind» (1996) формулирует *hard problem of consciousness*. Аргумент в том, что даже после полного функционального объяснения работы мозга остаётся открытым вопрос, почему вообще существует субъективное переживание. Канонический мысленный эксперимент здесь - философский зомби, существо, функционально идентичное человеку, но без внутреннего переживания. В развиваемой здесь позиции этот аргумент не принимается. В условиях полной функциональной идентичности постулирование переживания как отдельной от функций сущности не выводится из первых принципов позиции и вводится как добавленный постулат без обоснования внутри развиваемой конструкции. Спор с Чалмерсом сводится к выбору базовой онтологии. В этой позиции субъективное переживание это не отдельная вещь рядом с нейронной активностью. Это её прямое проявление.

Глава 4

Воля, действие, причинность

В разделе 3 показано, что «я» и агентность - устойчивые регулярности в работе сложной конфигурации, не отдельные сущности. Если в фундаменте нет отдельного агента, который выступал бы причиной собственных решений, есть ли свобода в обычном смысле? И если её нет, не значит ли это, что всё происходящее бессмысленно?

Свободы воли в *либертарианском* смысле здесь нет. «Либертарианский» - технический термин из философии свободы воли, без отношения к политическому либертарианству. Под либертарианской свободой воли понимают, что агент мог бы реально выбрать иначе при тех же физических условиях, и его выбор не предопределён предыдущим состоянием мира. Здесь всё происходящее - взаимодействия частиц. «Выбор» это один из их видов, а не разрыв в причинной цепи. Когда нейроны приходят в состояние, которое снаружи описывается как «решил пойти налево», это процесс с причинами в предыдущем состоянии системы и в окружении. Нет точки, в которой система выходит из причинной структуры и решает «свободно» изнутри отдельного «я».

Даже если в фундаменте мира есть онтологическая случайность (см. раздел 1), либертарианская свобода воли от этого не возвращается. Случайный выбор - это не «мой» выбор. Если квантовое событие с неопределённым исходом сместило нейронное решение, выбор оказался случайным. Свободным он от этого не стал. Нет агента, который квантовым событием бы «воспользовался» и сделал результат «своим». Случайность и свобода - разные вещи.

При этом обычный вокабуляр сохраняется. «Я», «решение», «реакция», «намерение» остаются осмысленными как функциональные описания (см. раздел 3). Фраза «человек решил уйти» работает как описание устойчивой регулярности в системе, а не как указание на свободный акт отдельной сущности. «Решил» здесь означает, что в системе произошло устойчивое изменение, после которого действия пошли в одну сторону. Этого хватает для практической коммуникации. «Свободно выбравший агент» в этом не нужен.

Типичная реакция на отрицание свободы воли звучит так: «значит всё бессмысленно, ничего не буду делать». Этот переход неверен в самой своей структуре. Сам вывод «ничего не буду делать» - такое же физическое событие в системе, как любое другое. Бездействие - тоже реакция, не нулевая позиция. Сама идея «отказаться от участия» подразумевает свободный акт отказа, которого по позиции этого раздела как раз нет.

Иллюзия вынужденности этого перехода держится на одном неявном допущении (это уже не строгий вывод из позиции, а правдоподобная диагностика). Где-то предполагается «настоящее я», какой-то агент поверх процесса, для которого свобода воли нужна, чтобы выбор был «его». Если убрать это допущение, переход разваливается: нет того, кому терять смысл, и нет того, кто должен был бы «свободно решить» что-то делать или не делать. Тревога «всё бессмысленно» формулируется от лица отдельного «я», которое после отрицания свободы воли якобы остаётся без работы. Но это «я» и не было отдельным. А значит и сам переход «всё бессмысленно, ничего не делаю» теряет логическую опору вместе с этим допущением. Эмоциональная хватка самого переживания тем самым автоматически не растворяется.

Отрицание либертарианской свободы воли не отменяет причинность. Человек под дождём промокнет. Удар по другому причинит боль. Последствия физически реальны независимо от того, постулирован ли за действием «свободно выбирающий агент».

Знание о том, как устроен мир, - тоже физическое событие. Оно хранится в мозгах, в книгах, в системах, и само влияет на дальнейшее поведение этих систем. Поэтому утверждение «свободы воли нет» не парадоксально - оно может менять последующее поведение, как любая другая часть причинной структуры.

Близкие ходы у нескольких философов, и одно расхождение. Барух Спиноза (см. раздел 1) в «Этике» (1677) трактует свободу воли как иллюзию: человеческие действия следуют из причин в той же мере, в какой это делают события природы. Гален Стросон (британский философ, р. 1952) развивает позицию *жёсткого инкомпатибилизма* (англ. *hard incompatibilism*): свобода воли логически невозможна при любой картине мира, и детерминированной, и случайной. Его ключевой аргумент идёт через невозможность *конечной моральной ответственности* (англ. *ultimate moral responsibility*). Чтобы быть ответственным за поступок, нужно быть причиной собственного характера, для этого нужно было выбрать этот характер раньше, и так до бесконечного регресса, нигде не упирающегося в свободный акт. Дерек Перебум (американский философ, р. 1957) в «Living Without Free Will» (2001) защищает ту же жёстко-инкомпатибилистскую позицию и подробно разбирает, почему отсутствие свободы воли не разрушает этическую и социальную жизнь. Дэниэл Деннетт (см. раздел 3) занимает *компатибилистскую* позицию. Он отвергает либертарианскую свободу воли как несостоятельную и предлагает оставить за словом «свобода воли» способность размышлять перед действием и менять поведение на основании этого размышления. Эта способность у Деннета сама причинно обусловлена как любое другое физическое событие, и с этой картиной позиция этого раздела содержательно не расходится. Расхождение терминологическое. Способность здесь принимается, но не называется свободой воли, потому что обыденное слово предполагает наличие отдельного «я», которое ею обладает, а в этой позиции такого «я» нет (раздел 3).

Глава 5

Ценности

В разделах 3 и 4 показано, что нет отдельных агентов поверх процессов и нет либертарианской свободы воли. Сразу возникает следующий вопрос. Если нет агента, который «выбирает» свои ценности, то что вообще такое ценность? Откуда она берётся в конкретном человеке? И можно ли говорить, что одни ценности «правильнее» других, или это уже бессмысленный вопрос?

Позиция этого раздела такая. Ценность - устойчивая регулярность в поведении сложной конфигурации, то, к чему конфигурация устойчиво тянется или от чего устойчиво отталкивается. Утренний кофе, отвращение к чьему-то тону, готовность сорваться к близкому человеку, когда ему плохо, - всё это описуемо как устойчивые направленности конкретной конфигурации, не как отдельные объекты «привычки», «вкуса», «привязанности», лежащие где-то внутри неё. Любви, справедливости, истины «самих по себе» как объектов в мире тоже нет. И «содержимым» внутри агента ценности быть не могут, потому что агента в строгом смысле тоже нет (см. раздел 3).

Растение тянется к свету. Внутри листа нет отдельной «ценности света» как вещи. Есть фоторецепторы, гормональные градиенты, направленный рост клеток - всё это вместе даёт устойчивое направление. Если разобрать растение, отдельного «стремления к свету» в нём не обнаружится. Обнаружится биохимия, из которой это стремление складывается как описание её работы. Человеческие ценности устроены структурно похоже. Это устойчивые направленности всей конфигурации,

проявляющиеся в её взаимодействии с окружением. Меняется конфигурация - меняются направленности.

В философской традиции близкий по структуре термин - *conatus* (лат. «стремление», «усилие»). Спиноза в «Этике» (1677) вводит его как свойство любой вещи стремиться сохранять собственное существование. Камень падает, растение растёт, животное ест, человек избегает боли. Для Спинозы всё это проявления одной и той же структурной направленности, просто на разных уровнях сложности. Это описание устройства, без моральной окраски. *Conatus* не делится на «правильный» и «неправильный», он просто есть как свойство существующих вещей. Ценности в позиции этого раздела - структурный родственник этой идеи. Функциональные свойства устойчивых регулярностей, не нормативные предписания откуда-то извне.

Из этой позиции следует, что у ценностей нет «над-метрики правильности», такого критерия, который стоял бы над всеми ценностями и говорил, какая из них объективно лучше. Это не означает, что сравнивать ценности вообще нельзя. В рамках конкретной конструкции (см. раздел 2) сравнение работает вполне. И всё же универсальной шкалы, по которой ценности можно было бы выстроить в единый правильный порядок вне всякой карты, не существует. В философии это близко к позиции этического субъективизма. Субъективизм здесь не означает «произвольно». Ценности устроены вполне регулярно, их можно изучать, объяснять, предсказывать. Он означает только то, что у этического вопроса нет объективного решения вне человеческой точки зрения.

Второе следствие касается противопоставления эгоизма и альтруизма. Оба понятия молчаливо предполагают чёткую границу между «я» и «не-я». Но в разделе 3 показано, что эта граница условна. «Я» в этой позиции - устойчивая регулярность с размытыми краями, граница которой проводится скорее для удобства, чем находится в природе. Если это так, то «забота о себе» и «забота о других» перестают быть противоположными направлениями. Они становятся однотипными движениями одной и той же регулярности, просто с разным весом, применённым к разным частям окружения. Вопрос «ты эгоист или альтруист» в строгом смысле некорректно поставлен. Он предполагает разделение, которого в фундаменте нет. При этом сами слова «эгоистично» и «альтруистично» в обиходе

сохраняют функциональное значение. Они описывают, насколько действия одной устойчивой регулярности согласуются с «ценностями» других регулярностей. Сами «ценности» здесь, как вывели выше, тоже функциональные описания.

Третье следствие - ценности обучаемы и культивируемы. То, что сейчас переживается человеком как приятное или неприятное, тянущее или отталкивающее, есть результат биологии, культуры, личной истории и многих других факторов, сформировавших конкретную конфигурацию. Это не финальное состояние, в котором она замерла навсегда. При изменении конфигурации (новый опыт, контакт с другой средой, практика, образование) меняются и направленности, которые из неё проистекают. То, что раньше казалось важным, может перестать цеплять. То, что раньше не имело веса, может начать им обладать. Это описательное утверждение, не нормативное. Оно не предписывает «надо менять свои ценности», оно просто фиксирует, что ценности в принципе подвижны.

Четвёртое следствие - горизонт времени в любых ценностных формулах неявно присутствует. Утверждения вроде «максимизировать удовольствие» или «минимизировать страдание» сами по себе пустые, пока не указано, на каком масштабе. Удовольствие сейчас может означать страдание через год. Курящий получает удовольствие сегодня и риск тяжёлой болезни через двадцать лет. Откладывание сложного разговора даёт спокойствие сейчас и нередко разрушение отношений через несколько месяцев. Страдание сейчас, наоборот, может быть платой за устойчивое благополучие потом - тренировка, учёба, неприятный разговор ради сохранения отношений. Без явного горизонта времени любая ценностная формула не имеет однозначного применения - результат расчёта будет совершенно разным в зависимости от того, на час вперёд считаем или на десятилетие. Никакого способа объективно выбрать «правильный» горизонт у нас нет. Выбор горизонта сам по себе ценностное решение.

Близкие ходы у нескольких философов и одной традиции. Барух Спиноза (см. раздел 1) в «Этике» (1677) выводит этику из *conatus*, структурной направленности самой жизни на сохранение и развитие собственного существования. Этика для него разворачивается изнутри устройства существующих вещей и не спускается в мир в виде внешнего предписания. Дэвид Юм (шотландский философ, 1711-

1776) формулирует знаменитую позицию «разум - раб страстей». У морали нет более глубокого нормативного фундамента за пределами человеческой природы и культуры. Разум считает и сравнивает, страсти задают направление, обратного хода между ними нет. Джон Мэки (австралийский философ, 1917-1981) в книге «Ethics: Inventing Right and Wrong» (1977) защищает позицию морального анти-реализма (англ. *moral anti-realism*). Этических фактов «самих по себе» в мире не существует как объектов. Мораль изобретается человеческой культурой, она не открывается в готовом виде как заранее существующая структура. Буддийская традиция приходит к близкому результату с другой стороны. В её центральных практиках то, что переживается человеком как приятное или неприятное, рассматривается как культивируемое и подвижное, доступное переобучению через регулярную практику. Работа с цеплянием (привычкой ума удерживать объект переживания как постоянный и обязательный для собственного благополучия) есть прямое переучивание ценностной структуры конфигурации, идущее изнутри самой практики.

Глава 6

Этика

В разделе 5 ценности оказались субъективными и культивируемыми, без надметрики правильности. Из этого возникает следующий блок вопросов. Можно ли вообще говорить об этике в развиваемой здесь позиции? Имеет ли смысл утверждать, что одни действия лучше других? Если люди не агенты в строгом смысле, не имеют либертарианской свободы воли, а их ценности не имеют объективного фундамента, то на каком основании мы вообще реагируем на чужие действия как на «правильные» или «неправильные», поощряем и наказываем, спорим о справедливости? Этот раздел показывает, что этика остаётся возможной, и описывает, как она в этой позиции переопределена. Технически весь раздел ведётся в функциональном языке (см. разделы 3 и 5). Слова «агент», «ценности», «реагирующие» работают как функциональные описания устойчивых регулярностей. Отдельным онтологическим статусом эти слова не наделяются.

Позиция этого раздела такая. Этика применима, но обоснование её сдвинуто. Вопрос «что правильно делать» сам по себе не отменяется, он всё ещё имеет смысл внутри конкретной конструкции (см. раздел 2). Меняется источник правильности. Раньше она предполагалась как предписание, спускающееся из чего-то внешнего и абсолютного - воли Бога, естественного закона, категорического императива. Здесь она оценивается через последствия конкретных действий и через их соотношение с ценностями реагирующих, как они описаны в разделе 5. Этика остаётся живой, но перестаёт опираться на структуры, существование которых в этой позиции под вопросом.

Основной этический подход в этой позиции - консеквенциализм. Это семейство этических теорий, оценивающих действия через их последствия. Соответствие правилам или сущностная «вина» в качестве самостоятельных критериев здесь не работают. При оценке действия смотрят, что оно вызвало, какие состояния конфигурации породило, как это соотносится с ценностями тех, кто на действие реагирует. Классические подходы через долг и предписание (Кант) или через сущностные качества «добра» и «зла» в этой конструкции теряют опору, потому что предполагают агентов и сущностей, которых нет (см. разделы 3 и 5). Деонтологическое «лгать нельзя ни при каких условиях, потому что лгать само по себе плохо» в этой конструкции переформулируется примерно так. «Ложь может приводить к последствиям, не согласующимся с ценностями условно стабильных конфигураций, может не приводить, может приводить частично, и какой именно из этих вариантов реализуется в конкретной ситуации, мы обычно не способны точно сказать».

Из такого обоснования сразу следует одно важное ограничение. Этическое суждение, опирающееся на последствия, не может быть абсолютным. Система, внутри которой мы пытаемся предсказать последствия действия и оценить их согласование с ценностями конкретных конфигураций, несоизмеримо сложнее наших предсказательных и измерительных инструментов. Закрыта ли эта несоизмеримость в принципе или может быть когда-нибудь снята более тонкими инструментами, развиваемая здесь позиция не определяет. Это открытый вопрос, не решённый ни в сторону «когда-нибудь сможем посчитать точно», ни в сторону «никогда не сможем». Точную развёртку последствий конкретного поступка через сеть людей и ситуаций мы не считаем. Мы её приближённо оцениваем, делая массу неявных допущений на каждом шаге. Это само по себе утверждение с серьёзными последствиями. Из него следует, что ни один закон, ни одно этическое правило не может быть возведено в абсолют как единственно верное вне любой коррекции опытом. Это не значит, что законы и правила нужно нарушать. Законы и правила во многих случаях работают как хорошие приближения, выработанные как раз для ситуаций, когда индивидуальный расчёт ненадёжен. Из позиции этого раздела следует только то, что их абсолютная неприкосновенность отдельным метафизическим основанием не подпирается. Они остаются инструментами координации и стабилизации поведения внутри сложной системы.

Сдвиг обоснования имеет ещё одно важное следствие для оценки людей. В этой позиции не работает ретрибутивизм. Ретрибутивизм - этическая позиция, согласно которой наказание оправдано тем, что нарушитель его «заслужил» в силу своей вины. Виновный должен пострадать просто потому, что он виновный, независимо от любых последствий этого страдания. В развиваемой здесь позиции у этой формулировки нет фундамента. «Заслужил» предполагает свободно выбравшего агента, способного быть конечной причиной собственных решений, а такого агента, как показано в разделе 4, не существует. «Вина» предполагает сущностное моральное качество, прикреплённое к человеку, а таких сущностных качеств, как показано в разделе 5, тоже не существует. Ретрибутивизм опирается на структуры, отсутствующие в этой конструкции. Это не значит, что само переживание «он должен пострадать за то, что сделал» исчезает у человека, разделяющего позицию. Переживание может оставаться, оно тоже часть конфигурации. Меняется его статус. Из переживания не следует онтологическое требование к миру.

В качестве замены ретрибутивистскому обращению с человеком в этой позиции работает различие человек/действие (в англоязычной литературе *person/action distinction*). Человека можно перестать рассматривать как «полностью плохого» или «полностью хорошего». Действия - проявления активности конкретной конфигурации в конкретный момент, под конкретным набором обстоятельств. Они не выражают никакой сущностной «плохости» или «хорошести», прикреплённой к человеку как свойство его как объекта. Можно по-прежнему оценивать конкретное действие как причинившее вред, как поставившее систему в худшее состояние, как несовместимое с ценностями реагирующих. И можно при этом не делать следующего шага и не объявлять самого человека «плохим» как сущность. Помогает аналогия. Когда мы говорим «плохая погода», мы обычно не имеем в виду, что у погоды есть моральная вина за плохость. Мы имеем в виду, что погодные процессы сейчас сложились в неудобную для нас конфигурацию. С «плохим человеком» структурно та же ситуация. Речь идёт о процессах и состояниях конкретной конфигурации. Никакого отдельного морального свойства, прикреплённого к нему как этикетка, в этой конструкции не предполагается. Различение даёт практический эффект. Реакция на действие может быть сколь угодно жёсткой по последствиям, и при этом сам человек не маркируется как «испорченный» в

каком-то фундаментальном смысле. Это сохраняет пространство для возможного изменения его конфигурации в будущем.

Тот же ход применим внутрь, к собственным реакциям человека, разделяющего позицию. Гордость, стыд, удовлетворение, вина, благодарность, обида - проявления активности собственной конфигурации в конкретный момент, такие же физические события, как и всё остальное (см. раздел 1). Они не выражают никакой сущностной «правильности» или «неправильности», прикреплённой к ним как свойство. Это не означает, что про реакции вообще нельзя задавать вопросы. Можно вполне содержательно спросить «соответствует ли эта реакция тому, какую конфигурацию я хотел бы в себе культивировать» или «согласуется ли она с ценностями, которые я в себе нахожу как устойчивые». Такие вопросы работают внутри ценностной структуры конкретного человека и не апеллируют ни к какой над-конструкционной «правильности». В этой позиции отсутствует только дополнительный слой - молчаливое предположение, что есть какая-то одна объективно правильная реакция, к которой следует подгонять фактическую. Снятие этого слоя не требует ни особой дисциплины, ни отказа от живых эмоций, и при этом снимает значительную часть дополнительного страдания, которое обычно строится поверх реакций. Позиция приходит к практике, которая уже применяется в современной психотерапии как один из эффективных подходов к укреплению ментального здоровья. Близкие по форме методы разрабатываются в Acceptance and Commitment Therapy (С. Хайес) и в традиции mindfulness (Дж. Кабат-Зинн).

Из тех же оснований переопределяется и сама практика наказания и поощрения. Сами эти механизмы никуда не исчезают. Люди всё так же реагируют на действия других, общества всё так же выстраивают системы наказаний и поощрений, и это часть устройства любого работающего сообщества. Меняется обоснование. Из этой позиции наказание не выводится из «заслуженности». Оно выводится из попытки выбрать вмешательство, которое максимизирует согласование (англ. *alignment*) всей системы под ценности тех, кто эту коррекцию проводит. Согласование здесь - степень, в которой поведение разных частей системы выровнено с ценностями того, кто эту систему оценивает. Чем выше согласование, тем меньше расхождение между фактическим поведением и желаемым. Объектом

оптимизации становится не один конкретный нарушитель. Им становится вся сеть людей и групп, взаимодействующих между собой. Учитываются эффекты сдерживания (другие видят и не повторяют), эффекты изоляции (этот человек физически не сможет повторить), сигнальные эффекты для всего сообщества, эффекты на устойчивость кооперации в целом. Кто именно и под какие ценности проводит эту оптимизацию - открытый вопрос, и развиваемая здесь позиция не приписывает универсальной легитимности никакой конкретной системе коррекции. Это описание структуры происходящего и не служит оправданием любой конкретной её реализации.

Из этого переопределения не следует автоматическая мягкость практики. Это важно проговорить отдельно, потому что естественная ассоциация «убрали идею заслуженности, значит, наказывать перестаем или делаем это мягко». Связь не такая прямая. Стратегия «око за око» (в теории игр известна как *tit-for-tat*, простой принцип ответа тем же, чем партнёр ответил на предыдущем шаге) много раз показывала себя одной из самых устойчивых стратегий стабилизации кооперации в больших системах. С консеквенциалистской точки зрения такая стратегия может оказаться оптимальной в определённых контекстах. Основание здесь чисто структурное. Стратегия устойчиво воспроизводит кооперацию и санкционирует её разрушителей, и в больших сетях это даёт лучший общий результат, чем альтернативы вроде безусловной мягкости или безусловной жёсткости.

В контекстах, где жёсткое наказание разрушает возможности реинтеграции и через стигму повышает риск повторного нарушения, более мягкий ответ с упором на восстановление может консеквенциалистски выигрывать, даже если индивидуально кажется недостаточно строгим. И симметрично, отказ от наказания тоже может оказаться консеквенциалистски ошибочным, если ведёт к худшему согласованию системы в целом.

Переопределение обоснования с «заслуженности» на «общий результат» задаёт тип вопроса, на который опирается выбор вмешательства. Сами ценности, под которые оптимизировать, чьи именно ценности учитывать и в каком приоритете, какой горизонт времени брать, какой список последствий считать релевантным, это переопределение не задаёт. Всё это остаётся открытыми вопросами без объективного решения (см. раздел 5), и любая оценка здесь будет приблизительной

и в большой мере субъективной. Какую конкретную форму вмешательства выбрать в каждом случае, тем более решается уже эмпирически, через оценку последствий конкретных практик в конкретных системах.

Важно проговорить одну вещь явно. Сам субъективизм из раздела 5 в этой переопределённой этике никуда не уходит. Нет универсального критерия «хорошести» решения, нет универсальной легитимности коррекции, нет позиции «вне всех конструкций», с которой можно было бы окончательно сказать, кто прав. Любая конкретная этическая система оперирует внутри какой-то конструкции (см. раздел 2) и не претендует на абсолютную правоту. Это не делает её просто мнением. Внутри своей конструкции этические утверждения работают, имеют последствия, могут быть лучше или хуже обоснованы. Просто никакого «вне» в смысле абсолютной точки отсчёта в этой позиции нет.

Норвежская модель правосудия - один из показательных примеров того, как переопределённое обоснование может работать в мягкой форме. В тюрьмах Бастёй и Хальден приоритет отдан реинтеграции через гуманные условия и интенсивную работу с заключёнными после выхода. Уровень рецидивизма там один из самых низких в мире, в районе двадцати процентов в течение двух лет, против пятидесяти и выше в большинстве стран с жёсткой пенитенциарной системой. Контекст Норвегии благоприятствует этой форме: базовый уровень насилия низкий, доверие к институтам высокое, ценности общества тянут в сторону реабилитации. Затратность такой модели на одного заключённого существенно выше, чем у жёстких пенитенциарных систем, и её результаты не воспроизводятся автоматически вне такого контекста. На этом контексте мягкий подход работает на согласование лучше жёсткого.

Противоположный по форме пример - подход Сальвадора при Букеле, начатый в марте 2022 года под режимом исключения. С 2023 года его ключевой элемент - мегатюрма SECOT (Centro de Confinamiento del Terrorismo) примерно на сорок тысяч мест, куда помещают арестованных членов банд. За несколько лет страна перешла от одного из самых высоких уровней убийств в западном полушарии к одному из самых низких. В начале 2010-х было около ста на сто тысяч населения, в 2023 году по официальной статистике около двух с половиной. Цена этого включает массовые задержания без полноценного due process и жёсткие условия содержания.

Контекст Сальвадора был критическим: насилие со стороны организованных банд приближалось к развалу обычной жизни. Жёсткая форма в этом контексте работает на согласование с приоритетом базовой безопасности лучше альтернатив. И одновременно проигрывает по другим ценностным метрикам, которые при ином распределении весов вышли бы на первый план.

Оба примера - реализации одной и той же консеквенциалистской логики, без апелляции к ретрибутивизму. Разница не в обосновании. Разница в контексте, в распределении ценностей внутри сообщества и в том, какие именно последствия общество готово считать релевантными. Из самой позиции не следует, что норвежский подход всегда оптимален, и не следует, что сальвадорский подход всегда легитимен. Из позиции следует только структурный факт. Форма этической практики не задана отдельно от контекста, и одно и то же переопределение обоснования может давать радикально разные практики в разных условиях.

Близкие ходы у нескольких авторов и одной традиции. Дерек Перебум (см. раздел 4) в книге «Living Without Free Will» (2001) даёт ближайший родственник позиции аргумент. Жёсткий инкомпатибилизм плюс развёрнутое консеквенциалистское обоснование коррекции без понятия «заслуженности». Гален Стросон (см. раздел 4) формулирует короткий тезис «no one is ultimately morally responsible», никто в конечном счёте морально не ответственен. Он подробно показывает, что жизнь и социальные практики при этом продолжают. Питер Стросон, британский философ (1919-2006), в работе «Freedom and Resentment» (1962) вводит понятие *reactive attitudes*. Резентмент, благодарность, любовь, обида - реальные эмоции и реакции. Они продолжают работать в человеческих отношениях независимо от того, как разрешается метафизический вопрос о свободе воли. Барух Спиноза (см. раздел 1) в четвёртой части «Этики» (1677) развивает идею модуляции аффектов вместо морального суда над ними. Различение адекватных и неадекватных идей у него работает как критерий качества причинной цепи, по которой человек действует. Иеремия Бентам (британский философ, 1748-1832) строит утилитарную пенологию (науку о наказаниях), в которой наказание оправдано исключительно своими последствиями, без всякой апелляции к «заслуженности» нарушителя. Буддийская этика выходит на близкий результат с другой стороны. Действия имеют последствия, но никакого постоянно виновного актора, к которому эти последствия

можно было бы приписать как заслуженную «карму» в смысле наказания, в ней нет. Карма у неё работает как название структуры причинности. Названием моральной заслуги или вины она не является.

Глава 7

Самоприменимость позиции

Позиция, развёрнутая в разделах 1-6, сама является каким-то набором утверждений и порождает естественный вопрос. Применяется ли она к себе самой как набору утверждений, удовлетворяет ли она собственным правилам про то, что есть истина и где она существует? Это вопрос логической последовательности. Если позиция не выдерживает применения к себе, она внутренне противоречива. Этот раздел показывает, что она выдерживает, и закрывает классический парадокс самоприменимости.

Центральное утверждение позиции, развёрнутое в разделе 2, выглядит так: «истина существует только внутри какой-то конструкции». Применённое к себе самому это утверждение порождает классический парадокс самоприменимости. В каком скоупе само оно истинно? Возможны два варианта, и оба порождают трудность. Если утверждение истинно только внутри одной конструкции, то в другой конструкции его можно с тем же основанием отвергнуть, и никакой инстанции, которая решила бы спор внеконструкционно, в этой позиции не предусмотрено. Если же утверждение истинно вне всех конструкций, то сама позиция только что сделала внеконструкционное заявление и тем самым нарушила собственное правило про область применимости истины. Любой из этих вариантов выглядит как тупик.

В развиваемой здесь позиции эта дилемма попросту не возникает, и стоит развернуть, почему. У любого утверждения есть две разные характеристики, которые легко перепутать. Первая - откуда оно сказано, из какого места. Вторая - о

чём оно говорит, какой у его содержания скоуп. Утверждение «истина существует только внутри какой-то конструкции» по первой характеристике сказано изнутри одной конкретной конструкции, той, в которой его произносит говорящий. По второй характеристике оно говорит о работе истины в любой возможной конструкции. У него локально расположенное место высказывания и широкий скоуп содержания. Это нормальная конфигурация для мета-утверждения. Физик, говорящий «закон сохранения энергии работает в любой инерциальной системе отсчёта», высказывает это из своей конкретной системы отсчёта, и при этом содержательно говорит про все системы сразу. Выставленная выше дилемма исчерпывает только два варианта по этим двум осям. Либо место узкое и скоуп тоже узкий, либо место широкое и скоуп тоже широкий. Третий вариант, у которого место узкое, а скоуп широкий, в дилемме не представлен. Утверждение позиции имеет именно такую форму, и поэтому ни в один из двух явно перечисленных вариантов не помещается.

Помогает аналогия из лингвистики. Типологические утверждения о всех человеческих языках, вроде «во всех языках есть категория субъекта» или «во всех языках работает какая-то форма рекурсии в синтаксисе», формулируются всегда на каком-то одном конкретном языке. Лингвист пишет статью на английском, но говорит в ней о структурных свойствах вообще всех языков. Никто не считает это самопротиворечивым. Никто не требует от лингвиста выпрыгнуть в какую-то внеязыковую точку наблюдения, чтобы получить право говорить «обо всех языках». Утверждение «истина только в конструкциях» работает по той же схеме. Оно произносится изнутри одной конкретной конструкции, той, в которой находится говорящий. Содержательно оно говорит о работе истины во всех конструкциях. Никакой над-конструкционной точки оно не занимает и не требует.

Отдельно стоит разобрать формальное возражение через теорему Тарского. В строгом виде она утверждает, что для достаточно богатых формальных языков понятие «истина для этого языка» нельзя определить внутри самого этого языка. Его нужно определять извне, из более широкого языка, в котором сидит исходный язык вместе с правилами работы с истиной. Развиваемая здесь позиция этой структуре не противоречит, а воспроизводит её. Утверждение «истина в конструкциях» делается не из всех конструкций сразу, а из одной конкретной, той,

в которой находится говорящий. Из этой одной конструкции говорящий говорит про работу истины во всех конструкциях. Это «узкое место, широкий скоуп», уже разобранный выше. «Конструкция» здесь более общее понятие, чем формальный язык, и теорема применима только к формальной части этого пространства.

Возникает естественный следующий вопрос. А кто определяет истину для той одной конструкции, из которой исходит утверждение? Ответом служит ещё более широкая конструкция, в которой эта первая сидит. А для неё, в свою очередь, ещё более широкая, и так бесконечно. Эта регрессия не угрожает развиваемой позиции, а совпадает с ней. Утверждение «истина только внутри конструкции, не вне всех конструкций сразу» как раз и означает, что никакой абсолютной истины верхнего уровня не бывает. Тарский формально показывает то же самое для формальных языков, развиваемая позиция формулирует это в более общем виде для всех конструкций. На практике это работает так. Внутри конкретной конструкции истина определяется работающими в ней критериями вроде согласованности с наблюдениями, предсказательной силы, когерентности, выдерживания проверок. Когда сами критерии оказываются под сомнением, разговор поднимается в более широкую конструкцию, где обсуждаются уже эти критерии.

Глава 8

Что позиция отказывается достраивать

Позиция, развёрнутая в разделах 1-7, явно не достраивает несколько структур, которые в традиционной философии естественно было бы ожидать. При поверхностном чтении эти отсутствующие элементы выглядят как недодуманность. Этот раздел нужен, чтобы зафиксировать одно важное различие. Указанные отказы являются намеренной частью устройства позиции.

Основная идея раздела короткая. Позиция отказывается достраивать именно те концептуальные структуры, существование которых она же отрицает в разделах 1-7. Достраивать по этим линиям значило бы импортировать обратно то, что позиция уже явно убрала из своего устройства. В английской философии для такого рода устройства иногда используется термин *completeness-by-refusal* - полнота через явный отказ. Полнота позиции достигается не тем, что в неё добавлено всё, что может потребоваться. Полнота достигается тем, что в ней явно проговорено, что добавлено не будет и почему.

Помогает аналогия с формой Земли. Если в каком-то описании Земля представлена как сфера, бессмысленно требовать от автора этого описания «указать на край земли». Никакого края в сферической модели нет, его указание означало бы вернуть плоскую модель, от которой автор уже отказался. Отсутствие края в этом случае

не пробел в описании. Оно структурно следует из принятой формы. С отказами в развиваемой здесь позиции работает та же логика.

Первая такая структура - универсальная метрика правильности ценностей. В разделе 5 показано, что над-метрики, стоящей над всеми ценностями и говорящей, какая из них объективно лучше, в этой позиции не существует. Запрос «назовите истинно правильную иерархию ценностей» возвращает в обсуждение ровно ту структуру, которую позиция уже явно убрала.

Вторая - легитимный субъект для ретрибутивизма. Агента-причинителя в либертарианском смысле, способного быть конечной причиной собственных решений и тем самым «заслужить» наказание, в этой позиции нет (см. разделы 3 и 4). Вопрос «но кого тогда обвинять за зло» предполагает существование такой инстанции, и заполнять пустое место отрицаемой структурой позиция не собирается.

Третья - абсолютный критерий выбора между конструкциями. Любой критерий сам стоит внутри какой-то конструкции (см. раздел 2). Запрос «но какой критерий действительно верный, объективно, вне всех конструкций» снова требует внеконструкционную точку зрения, которая в этой позиции отвергнута.

Четвёртая - метафизический субъект нормативности, источник того, что чему «должно». Нормативные слова в этой позиции работают функционально внутри конкретной конструкции (см. раздел 5). Никакого трансцендентного «должного», которое стояло бы над любыми конкретными нормативными утверждениями и устанавливало бы их обязательность, позиция не предполагает.

Пятая - единый порядок на пространстве всех возможных конструкций. На этом пространстве, как подробно разворачивается в разделе 10, работает только частичный порядок. Некоторые конструкции сравнимы между собой по конкретным критериям, многие принципиально нет. Глобального максимума, относительно которого все конструкции можно было бы выстроить в одну иерархию, структурно не существует.

Различие отказа и недостроенности проходит через простой тест. Если найденный «пробел» можно достроить, не разрушая остальной позиции, это действительно недостроенность, которую при желании имеет смысл заполнить. Если же его

дистраивание неизбежно ломает другие части позиции, потому что предполагает структуры, которые в этой позиции отрицаются, найденное место не является пробелом. Это намеренный отказ. Применительно к перечисленным выше пяти вещам ответ во всех случаях один. Достроить любую из них значило бы вернуть в позицию ту структуру, которую она явно убрала. Поэтому все они классифицируются как отказы. Недостроенностями они не являются.

Это меняет статус возможной критики. Спор перестаёт быть про то, успел ли автор закрыть какой-то пункт, и становится про то, согласны ли стороны с устройством позиции в её намеренной форме, с включёнными в неё отказами в том числе.

Из этого вытекает практическое различие между легитимной критикой позиции и нелегитимной. Легитимная критика показывает, что одно утверждение позиции противоречит другому, или что позиция не справляется со своей собственной задачей, или что какое-то её следствие неприемлемо в её же терминах. Нелегитимная критика требует ответа на вопрос, чья постановка предполагает структуру, отрицаемую позицией. Сам факт того, что в другой конструкции этот ответ существует, не делает его обязательным здесь. Фраза «у вас нет X» не является критикой до тех пор, пока не показано, что отсутствие X создаёт проблему внутри самой позиции. Отсутствие чего-то в одной конструкции не означает, что оно должно в ней быть, потому что «должно» работает только внутри конкретной конструкции. Оппоненту в этой ситуации остаются два честных хода. Первый - работать изнутри позиции и искать внутренние противоречия. Второй - явно отступить на собственную конструкцию и сравнивать оптики по прагматическим критериям, не претендуя на то, что его оптика является объективной нормой.

Глава 9

Диалогический жанр

Все предыдущие разделы описывают, что в этой позиции утверждается. Этот раздел разворачивает другой вопрос - как утверждения этой позиции функционируют в разговоре с другим человеком, не разделяющим её. Жанр философского текста здесь является сознательным выбором, и в этом разделе проговаривается, почему именно такой.

Позиция этого раздела такая. Философия в этом тексте устроена как приглашение в позицию. Она не предлагается читателю в качестве доказательства, которое должно его вынудить принять её. Цель разговора с собеседником в этой позиции - помочь и ему, и себе самому пересобрать собственную конструкцию, если в процессе разговора станет видно, что есть более сообразная под текущие ценности и горизонт. Логическая победа над собеседником в качестве цели здесь не работает.

Это сильно отличается от доказательного жанра, в котором работает значительная часть классической аналитической философии. В доказательном жанре участники держат позиции «у меня аргумент, у тебя контр-аргумент, чьё доказательство сильнее, тот прав». Такой жанр предполагает существование нейтральной площадки, на которой эти доказательства можно сопоставлять. На прагматистской и монистической базе, развёрнутой в разделах 1 и 2, такой нейтральной площадки не существует. Сам критерий «доказательство сильнее» живёт внутри какой-то конкретной конструкции, и без её принятия он не определён.

Это не означает, что разговор о критериях между конкретными людьми теряет смысл. Если две стороны разделяют одни и те же критерии истины, то есть согласованы по основанию, на котором истина определяется, между ними локальная нейтральная площадка возникает естественно. На этой площадке они могут вполне предметно сравнивать конструкции и выяснять, какая из них по их общим критериям работает лучше. Полное совпадение конструкций сторонам не требуется, достаточно совпадения именно по основанию проверки. Доказательный жанр на такой локальной площадке работает корректно. То, чего на прагматистской базе нет, это универсальной нейтральной площадки, заведомо принимаемой всеми возможными собеседниками. Когда основания заранее не совпадают, доказательный жанр сходу натывается на разрыв.

Почему выбран именно диалогический жанр. Это прямое следствие позиции из разделов 2 и 8. Если истина существует только внутри конструкций и никакого внеконструкционного рычага в этой позиции нет, то единственным честным способом воздействия на собеседника остаётся помочь ему увидеть напряжения в его собственной конструкции, не импортируя свои критерии в его контекст как абсолютные. Доказательный жанр на этой базе становится либо самопротиворечивым, требующим абсолютной площадки, существование которой сам отрицает, либо манипулятивным, использующим абсолютистский язык, в который сам автор не верит.

У такого жанра есть конкретная цена. Опровергнуть оппонента в строгом доказательном смысле автор не может. Если оппонент остаётся в своей конструкции и не видит причин из неё выходить, всё, что остаётся сказать, это «ну ок». Это сознательная плата за внутреннюю последовательность позиции. Эта плата встроена в её устройство и не является недоработкой.

Диалогический жанр не сводится к пассивной «позиции-приглашению». У него есть конкретная техника разговора. Эту технику автор не называет лучшей, потому что универсально лучшей тут нет (см. раздел 10). Субъективно она сообразна самой позиции и на практике эффективнее доказательной атаки для перенастройки конструкций. Главное наблюдение, из которого она разворачивается, такое. Защитная реакция у человека включается, когда разговор считается как атака на

его позицию. После включения защитной реакции человек дальше не думает, он отстаивает. Поэтому центральный ход техники - не вызывать защитную реакцию.

Первая практика - искренне принять позицию собеседника как равную. Это не риторическая поза вида «давай я представлю, что ты прав». Это реальное допущение, что в его конструкции есть что-то, чего автор не видит. Без этой искренности любой следующий шаг превращается в манипуляцию и собеседником считывается.

Вторая практика - опираться на вопросы. Утверждения легко считываются как атака и включают защитную реакцию. Вопросы выводят на одну из двух позиций без атаки на позицию собеседника и без отстаивания собственной. Цель вопроса в том, чтобы вынести на поверхность то, что внутри его конструкции пока не проявлено.

Третья практика - совместно выбрать более сообразную конструкцию. Здесь нет «я тебя переубедил». Здесь скорее «мы оба пришли к чему-то третьему или к одной из двух, вместе, на основании того, что в процессе разговора стало видно». Это симметричный ход, в котором автор тоже должен быть готов сместиться.

Близкие ходы у нескольких традиций. По технике разговора дальним предком работает сократический метод, опирающийся на вопросы, выводящие собеседника к самопротиворечию без морализма. Карл Роджерс в книге «Client-Centered Therapy» (1951) формулирует принцип безусловного принятия позиции собеседника как условие изменения. Дональд Шён в работе «The Reflective Practitioner» (1983) описывает совместное переописание ситуации участниками разговора. Дэвид Бом в эссе «On Dialogue» (1996) трактует диалог как совместное мышление участников. Маршалл Розенберг с «Nonviolent Communication» (1999) разрабатывает практику вывода разговора на наблюдения и потребности вместо атаки на собеседника. По самому философскому жанру близкие фигуры это Ричард Рорти с «Contingency, Irony, and Solidarity» (1989), где явно защищается диалогический жанр, поздний Витгенштейн с «Философскими исследованиями» (1953), где философия понимается как терапия, и Ханс-Георг Гадамер с «Истиной и методом» (1960), развивающий философскую герменевтику и идею понимания как слияния горизонтов.

В противоположном лагере работают защитники доказательного жанра. Тимоти Уильямсон в книге «The Philosophy of Philosophy» (2007) прямо защищает доказательную философию против прагматистов. Аналитическая метафизика в целом, включая Дэвида Льюиса, Сола Крипке и Кита Файна, строит свои аргументы в форме доказательств.

Глава 10

Маловероятность глобального оптимума

Если жанр диалогический и не вынуждает читателя принять позицию, естественно встаёт следующий вопрос. А нет ли где-то над всеми конструкциями глобального оптимума, к которому стоило бы стремиться, даже если этот текст не может никого туда заставить прийти? Этот раздел фиксирует, почему ответ скорее всего отрицательный. Существование глобального оптимума оказывается структурно маловероятным. Причина структурная. С прогрессом познания это не изменится.

Развёрнутая позиция этого раздела звучит так. На пространстве возможных конструкций - этических сборок, систем ценностей, наборов правил, моделей мира - существование глобального оптимума по структурным соображениям оказывается маловероятным. Это утверждение не про предел человеческого познания в духе «когда-нибудь найдём». Это утверждение про устройство самой задачи. Даже идеально знающий агент с доступом ко всей информации столкнулся бы с теми же структурными препятствиями. Сама определимость единственного максимума на этом пространстве оказывается под вопросом.

Ощущение, что оптимум должен существовать, имеет конкретный источник. Это бытовой опыт одномерных задач. На одномерной шкале вроде цены, времени, расстояния у отрезка с конечными границами всегда есть максимум и минимум. Интуиция, выработанная на таких задачах, переносится на задачи существенно

другого устройства - на задачи вида «как правильно жить», «как устроить общество», «какие ценности являются настоящими», где переменных много и они не сводятся к общему знаменателю. Перенос интуиции с одномерных задач на многомерные с несоизмеримыми осями не проходит.

Помогает аналогия из экономики и многокритериальной оптимизации - концепция Парето-фронта. Когда задача оптимизируется одновременно по нескольким критериям, которые не сводимы друг к другу (например, цена против качества, скорость против надёжности, свобода против равенства), «лучших» точек на ней обычно несколько, образующих целую границу. Эта граница называется Парето-фронт. На фронте любые две точки несравнимы. Одна лучше по одному критерию, другая лучше по другому, и сказать, какая лучше «вообще», без введения дополнительного мета-критерия невозможно. А выбор такого мета-критерия сам по себе задача с тем же свойством, и так до бесконечности.

В литературе это устройство известно под несколькими именами в зависимости от дисциплины. В экономике и инженерии оно называется Парето-оптимальностью. Computer science и operations research используют термин multi-objective optimization. В моральной философии, особенно у Исайи Берлина, оно фигурирует как ценностный плюрализм или incommensurability of values. В математике формальная подкладка под всё это понятие частичного порядка. Это означает, что не любые два элемента множества сравнимы между собой. Для некоторых пар попросту не определено, какой элемент «больше». Это свойство самого порядка. К нашей неосведомлённости оно не имеет отношения.

Это устройство подтверждается двумя строгими формальными результатами в смежных дисциплинах. Теорема Эрроу о невозможности, доказанная Кеннетом Эрроу в 1951 году (за неё он получил Нобелевскую премию по экономике в 1972), показывает следующее. Для агрегации индивидуальных предпочтений в коллективное упорядочивание не существует способа, который одновременно удовлетворял бы нескольким явно разумным условиям. Если множество людей с собственными упорядочиваниями объектов попытаться свести в одно общественное упорядочивание, нельзя одновременно сохранить транзитивность, отсутствие диктатора и независимость от посторонних альтернатив. Какое-то условие приходится бросить. No-Free-Lunch теоремы

Дэвида Уолперта (1997), сформулированные в контексте машинного обучения и оптимизации, дают похожий по структуре результат. Усреднённо по всем возможным задачам ни один алгоритм оптимизации не работает лучше любого другого. Универсального лучшего алгоритма не существует. Существуют только алгоритмы, оптимизированные под конкретные классы задач. Оба результата строго применимы к задачам с явной целевой функцией. Случаи без неё или с подвижной функцией покрываются дальнейшими аргументами этого раздела через несоизмеримость ценностей и динамичность самой целевой функции.

К этим формальным результатам примыкает содержательная философская аргументация. Исайя Берлин в работе «Two Concepts of Liberty» (1958) и поздних эссе развивает позицию ценностного плюрализма. Ключевые человеческие ценности, среди которых свобода, равенство, справедливость, милосердие, лояльность, истина, фундаментально несоизмеримы между собой. Сам Берлин либерал в широком смысле. В его позиции несоизмеримость не отменяет различия между лучшими и худшими политическими режимами. Она отменяет только идею единственного универсального критерия, по которому все режимы можно было бы выстроить в одну иерархию.

Здесь требуется оговорка про математическую сторону. Формально, для существования экстремума у функции на множестве требуется, чтобы это множество было компактным. В метрическом пространстве компактность означает полную ограниченность и полноту. Для конечномерных евклидовых пространств это совпадает с замкнутостью и ограниченностью, но в общем случае требование оказывается строже. Этого одного для логически строгого вывода о невозможности глобального оптимума недостаточно. Теорема об экстремуме это импликация. Эквивалентностью она не является. Из того, что множество не компактно, отсутствие экстремума непосредственно не следует.

Более глубокий аргумент идёт через само устройство «функции качества» на пространстве конструкций. Начнём с одного отдельного субъекта. Даже для одного человека с одной согласованной системой ценностей факт существования у его «функции качества» максимума не гарантирован. Возможно, что вместо одного экстремума там бесконечно открытая последовательность всё более согласованных версий, и человек может только улучшаться внутри неё, не доходя до финальной

формы. Кроме того, у реального человека редко бывает одна согласованная система ценностей. Чаще это набор частично несоизмеримых ценностей, как описано выше в позиции Берлина. Даже если каждая отдельная ценность задаёт направление улучшения, совместить их в одну общую оценку без дополнительного выбора весов невозможно. Парето-фронт в этом случае возникает уже внутри одного человека, без выхода за пределы одного субъекта.

Дополнительный уровень сложности приходит от того, что сами «ценности» в развиваемой здесь позиции являются функциональными описаниями устойчивых регулярностей конкретной конфигурации (см. раздел 5). Отдельными сущностями они не являются. «Функция качества» оказывается определена не на твёрдом наборе фиксированных объектов. Она работает на меняющейся со временем динамической структуре, которая сама собирается из устойчивых регулярностей конкретной конфигурации. Понятие максимума на таком объекте сильно усложняется. И даже если допустить, что для каждого отдельного человека индивидуальный экстремум всё-таки существует, агрегация этих экстремумов в один общий «глобальный оптимум» включает теорему Эрроу. Какие бы разумные условия ни выставлялись на эту агрегацию, одновременно удовлетворить всем не получается. Глобального общественного экстремума не возникает даже из суммы благополучно существующих индивидуальных.

В итоге структурная маловероятность глобального оптимума получает несколько слоёв обоснования. На каждом уровне в отдельности она не выводится как строго доказанный факт. Но каждый уровень добавляет препятствие, и их сумма делает идею глобального оптимума структурно подозрительной на любом разумном понимании этого термина.

Первое следствие из этой позиции касается типа дефицита глобального оптимума. Этот дефицит не является эпистемическим в простом смысле «когда-нибудь узнаем больше и найдём ответ». Аргументы предыдущих абзацев показывают, что само существование такого оптимума структурно проблематично на нескольких уровнях. При этом позиция не утверждает невозможности глобального оптимума как доказанного факта. Она остаётся агностической к вопросу его существования и действует прагматически, исходя из оценки, что вероятность найти такой оптимум невысока, а сама задача его определения структурно неоднозначна. Аналогию даёт

вопрос «что лучше, скорость или надёжность», взятый без указания контекста и весов. Структурно он не имеет однозначного ответа в силу собственного устройства. Незнание здесь ни при чём.

Второе следствие - локальная оптимизация полностью легитимна. Из отсутствия глобального оптимума не следует, что выбирать между конкретными конструкциями нельзя. Можно и нужно. Под конкретные ценности конкретного человека или сообщества, под конкретный горизонт времени, под конкретные обстоятельства можно вполне предметно искать локально лучшие сборки. Эта работа и есть рабочий режим прагматизма. Глобальный оптимум не нужен в качестве предпосылки для того, чтобы локально что-то выбирать.

Третье следствие следует за этим напрямую. Раз глобально лучшей конструкции с высокой вероятностью не существует, никто не может обоснованно объявить свою конструкцию объективно лучшей всех остальных. Эта претензия снимается. Возможность сравнивать конструкции локально по конкретным критериям, выбирать между ними под собственные ценности и горизонт, и наблюдать, что одни конструкции под конкретные задачи работают лучше других, при этом сохраняется. Маловероятность глобального оптимума не превращает все конструкции в одинаковые. Она только убирает возможность поставить одну над всеми остальными как объективно правильную для всех контекстов и всех ценностей.

Четвёртое следствие касается идеи «конца истории». Эта идея, в разных её формах, предполагает, что человечество в какой-то момент придёт к финальной сборке ценностей и устройства общества, после которой развитие в этой плоскости остановится. Главный фактор против такой возможности здесь лежит не в недостаточной развитости человеческого разума. Он лежит в самой динамичности ценностей. То, что считается «лучшей» сборкой, определяется через ценности живущих в этой сборке людей (см. раздел 5). Сами эти ценности обучаемы, культивируемы и со временем сдвигаются. Формально это можно записать как задачу оптимизации с подвижной целевой функцией. Целевая функция зависит от текущих ценностей, а текущие ценности зависят от истории сборки, в которой они сформировались. Получается рекурсивная зависимость, у которой нет общей причины иметь устойчивую неподвижную точку. Любая локально итоговая сборка

ценностей оказывается одной из множества несравнимых точек Парето-фронта. Новые поколения с другими ценностями и другими горизонтами будут двигаться к другим точкам того же фронта, и этот процесс не имеет встроенной точки остановки.

Близкие ходы. Берлин, Эрроу и Уолперт уже названы выше. Бернард Уильямс в книге «Ethics and the Limits of Philosophy» (1985) критикует попытки моральной философии найти единый критерий правильного действия. Марта Нуссбаум в работе «The Fragility of Goodness» (1986) разворачивает несоизмеримость в этике и невозможность защититься от трагического выбора между ценностями. Чарльз Тэйлор в «Sources of the Self» (1989) описывает множественность источников моральной нормативности в современной личности.

В противоположном лагере несколько серьёзных позиций. Утилитаристы, включая Иеремию Бентама, Джона Стюарта Милля с «Утилитаризмом» (1861) и Питера Сингера в современной форме, ставят на единственный агрегированный критерий благополучия и считают, что несоизмеримость ценностей это иллюзия, преодолеваемая правильно построенной шкалой. Кантианцы ставят на один формальный принцип категорического императива и считают, что конфликты ценностей разрешаются на уровне обоснования действий. Платоники в этике, от Платона до Айрис Мёрдок в «The Sovereignty of Good» (1970), держат позицию, что Благо одно как объективная реальность, а плюрализм это наше несовершенное восприятие этого Блага. Все три лагеря представлены всерьёз и не сводятся к простому неразумию. Принять структурный плюрализм означает сделать содержательный выбор, который не является доказанным фактом.

Глава 11

Открытость к собственной замене

Все предыдущие разделы разворачивали саму позицию и её следствия. Этот раздел поворачивает на другую ось. Он касается формального свойства этой позиции как конструкции, то есть того, как она ведёт себя по отношению к другим конструкциям и к собственной возможной замене. Это свойство неожиданно оказалось одним из самых ценных в практическом смысле.

Эта конструкция располагает к собственной замене при нахождении субъективно более сообразной. Это утверждение нужно проговорить точнее. Внутри неё нет нормативного давления вида «я обязан её сменить, если найду лучше». Имеется в виду нечто иное. Её внутреннее устройство не сопротивляется замене. В ней нет абсолютных оснований, держащихся за себя как за источник правильности, нет претензии «это единственно верно», и сам критерий выбора между конструкциями объявлен прагматическим и не претендует на абсолютность. Самопротиворечий, которые пришлось бы прятать, в ней нет (см. раздел 7). Поэтому если в какой-то момент собеседник или собственное размышление выкатывают конструкцию, которая под мои ценности и горизонт работает лучше, переход к ней не блокируется внутренним устройством позиции.

Прагматистская диалогическая конструкция в этом смысле сильно отличается от доказательных и абсолютистских. Платоновская традиция, кантианская, теологические системы, твёрдый платонизм в математике встроено сопротивляются замене. Сопротивление это идёт не из злого умысла авторов. Оно идёт из логики самого устройства. Если позиция держится на «это объективно

так», то признать «нашёл лучше» значит признать «я был объективно неправ». А это атакует и содержание позиции, и сам механизм обоснования, которым она держится. Защитная реакция в таких конструкциях включается на уровне их структуры. Психология конкретного носителя здесь вторична. Прагматистская конструкция этой структурной защиты не имеет. Смена конструкции в ней не означает «я был неправ». Она означает «у меня изменились ценности, или горизонт, или контекст, и под новые входные данные лучше работает другая сборка».

Помогает аналогия с попперовской фальсифицируемостью. Карл Поппер (австрийско-британский философ науки, 1902-1994) в работе «Логика научного открытия» (1934) предложил критерий научности теории. Теория считается научной, если из неё можно вывести предсказание, которое в принципе могло бы её опровергнуть наблюдением. Без такой опровергаемой части теория не научна, какой бы внутренне согласованной она ни была. Здесь, в применении к философской позиции, требование иное по природе и слабее по форме. Позиция должна описывать, при каких условиях она сама была бы заменена, и не сопротивляться этому описанию. У развиваемой здесь конструкции такое описание есть. Оно формулируется как «при появлении конструкции, которая под мои ценности и горизонт даёт лучшие следствия по моим прагматическим критериям».

Из этого мета-свойства следует одна практическая особенность. Конструкция, которая не сопротивляется замене, сообразна для начального изучения философии. У человека, который только начинает разворачивать собственную позицию, ценности, горизонт и опыт ещё не устаканились. Они могут меняться от месяца к месяцу под напором новой информации. Конструкция, встроенно сопротивляющаяся замене, в этих условиях работает как ловушка. Человек либо цепляется за раннюю позицию по инерции и закрывается от новой информации, либо при первом серьёзном расхождении ломается всё сразу, и наступает «значит, философия вообще пустая, ничего там настоящего нет». Конструкция, располагающая к замене, даёт рабочую базу, из которой можно двигаться в любую сторону без потери предыдущего движения и без потери возможности следующего.

Каждое уточнение приходит как «я узнал больше и переехал», без необходимости признавать «я раньше был объективно неправ».

У этого свойства есть и собственная цена. Конструкция, не сопротивляющаяся замене, проигрывает в стабильности под социальным давлением. Доказательные позиции в истории давали людям прочную идентичность. Сказать «я кантианец», «я марксист», «я католик» означало занять определённую позицию, которая держала человека под давлением со стороны и давала готовый словарь для разговоров о смысле и норме. Здесь такой опоры нет. Опирается приходится на собственный процесс пересборки. Финальный ответ в качестве опоры здесь не предусмотрен. Для зрелого исследователя, который уже умеет жить в этой подвижности, это плюс. Для человека в кризисе или в социальной среде, где требуется быстро занять чёткую позицию, это бывает тяжелее. Это не аргумент против позиции. Это честное описание того, чего она не делает, чтобы читатель понимал, какую конкретно цену он платит, выбирая такой жанр.

Близкие ходы в литературе. Карл Поппер в «Conjectures and Refutations» (1963) развивает понимание науки как последовательности опровергаемых теорий, в которой смена теории является нормой. Катастрофой она не воспринимается. Имре Лакатош в работе «The Methodology of Scientific Research Programmes» (1978) даёт более продвинутую версию попперовского подхода. Работающая исследовательская программа должна порождать новые предсказания и предусматривать собственную деградацию. Уиллард Куайн в эссе «Two Dogmas of Empiricism» (1951) описывает сеть убеждений как целиком стоящую под прагматическим давлением, без центральных неприкосновенных тезисов. Ричард Рорти в «Contingency, Irony, and Solidarity» (1989) определяет позицию «ironist» через постоянное сомнение в собственном финальном слове. Буддийская традиция выражает похожий ход метафорой плота. Учение в ней понимается как средство переправы. Предметом цепляния оно не является. Фраза «если встретишь Будду на дороге, убей Будду» работает как фигура отказа от финальной формы учения.

Глава 12

Карта соседей в литературе

Каждая содержательная секция выше уже называла конкретных авторов и работы рядом с конкретным ходом. Этот раздел собирает их в индекс по тематическим осям. Цель индекса в том, чтобы видеть, где позиция плотнее заселена соседями и где тоньше, и куда читать дальше, если возникнет желание углубиться. Каждый автор появляется один раз в основной для него оси. Пересечения с другими осями помечаются ссылкой «см. также».

Принцип отбора авторов в этот индекс простой. Включены только те, кто действительно работает с конкретным ходом этой позиции. Авторов, которые «вообще писали на тему», не включали. Для каждого указан год основной работы и одно-строчная характеристика по существу. Где у этой же оси существует серьёзный противоположный лагерь, он указывается отдельной подсекцией с пометкой «противоположные».

Ось 1 - монистическая онтология

Близкие позиции на этой оси. Парменид (V век до н.э.) даёт самую раннюю зафиксированную формулировку монизма в западной традиции. Бытие у него едино и неизменно, а наблюдаемые разделения относятся к иллюзии. Шанкара в традиции Адвайта Веданты (около 800 года) развивает позицию не-двойственности, в которой иллюзия разделения называется майя. Бенедикт Спиноза в «Этике» (1677) формулирует «Deus sive Natura» как единую субстанцию,

а всё остальное как её модусы. Это ближайший родственник развиваемой здесь позиции, поскольку объединяет монистическую онтологию с этикой через *conatus* в одной системе (см. также Ось 6). Альфред Норт Уайтхед в работе «Process and Reality» (1929) описывает реальность как процесс, а границы между объектами как временные стабилизации этого процесса.

Противоположные позиции. Декарт в «Размышлениях о первой философии» (1641) держит субстанциальный дуализм *res cogitans* и *res extensa*, утверждая, что мыслящая и протяжённая субстанции принципиально различны. Лейбниц в «Монадологии» (1714) развивает плюралистическую онтологию, в которой реальность состоит из бесконечно многих простых субстанций (монад), не сводимых к одной.

Ось 2 - элиминативизм и отсутствие строгой идентичности агента

Близкие позиции. Буддийская доктрина анатта (примерно V век до н.э., канонический источник Сутта-питака) утверждает отсутствие неизменного «я» и описывает то, что мы привычно называем личностью, как набор изменчивых агрегатов. Дэвид Юм в «Трактате о человеческой природе» (1739, книга I, часть IV, глава 6) описывает «я» как пучок восприятий. Bundle theory личности в современном виде идёт отсюда. Дерек Парфит в книге «Reasons and Persons» (1984) применяет теорию пучка к личности и подробно разворачивает отсутствие строгого тождества «я» через время. Он также описывает аффективное облегчение, которое сопровождает принятие этой позиции. Дэниэл Деннетт в работе «The Intentional Stance» (1987) развивает понимание агентности как полезного взгляда на сложную систему. Агентность здесь является свойством взгляда на систему. Свойством самой системы она не является. Томас Метцингер в книге «Being No One» (2003) описывает self как репрезентационный конструкт мозга, который он называет Phenomenal Self-Model.

Противоположные позиции. Декарт в «Размышлениях о первой философии» (1641) формулирует «*cogito ergo sum*» и держит «я» как минимальную неустранимую сущность. Кант в «Критике чистого разума» (1781) вводит понятие

трансцендентального единства апперцепции как необходимого условия любого опыта. Гален Стросон занимает интересную смешанную позицию. Он формально *hard incompatibilist* (см. Ось 5), но при этом настаивает на реальности «тонкого я» как непосредственно переживаемого феномена.

Ось 3 - истина внутри конструкций и антифундаментализм

Близкие позиции. Кант в «Критике чистого разума» (1781) вводит различие феноменов (мира как он нам является) и ноуменов (мира самого по себе), помещая познаваемую истину в первую область. Фридрих Ницше в посмертно изданной «Воле к власти» (1901) формулирует знаменитое «нет фактов, есть только интерпретации». Рудольф Карнап в эссе «Empiricism, Semantics, and Ontology» (1950) различает внутренние вопросы внутри принятой языковой рамки и внешние вопросы о выборе самой рамки. Поздний Витгенштейн в «Философских исследованиях» (1953) помещает истину внутрь конкретных форм жизни и языковых игр. Уиллард Куайн в эссе «Two Dogmas of Empiricism» (1951) и книге «Web of Belief» (1970) описывает сеть убеждений как целиком стоящую под прагматическим давлением. Хилари Патнэм в «Reason, Truth and History» (1981) формулирует позицию «*internal realism*», в которой истина и референция существуют только внутри концептуальной схемы. Стивен Хокинг и Леонард Млодинов в популярной книге «The Grand Design» (2010) вводят термин «*model-dependent realism*», прямо применяя похожую логику к физическим теориям.

Противоположные позиции. Платон в диалогах (IV век до н.э.) держит позицию объективных Идей как сущностей вне любой человеческой конструкции. Аристотель в «Метафизике» формулирует истину как соответствие положению дел в реальности. Готлоб Фреге в эссе «Мысль» (1918) защищает объективные мысли и антипсихологизм в логике. Сол Крипке в «Naming and Necessity» (1980) развивает теорию необходимых истин, существующих независимо от каких бы то ни было концептуальных рамок. Тимоти Уильямсон в «The Philosophy of Philosophy» (2007) даёт современную защиту доказательной аналитической философии против прагматических подходов.

Ось 4 - прагматизм как метод выбора критериев

Близкие позиции. Чарльз Сандерс Пирс в эссе «How to Make Our Ideas Clear» (1878) формулирует базовый прагматистский принцип, согласно которому значение понятия раскрывается через практические следствия его применения. Это считается отправной точкой американского прагматизма. Уильям Джеймс в книге «Pragmatism» (1907) развивает прагматистский подход к истине. Истина у него работает как то, что устойчиво срабатывает в практике. Соответствие неизменной реальности здесь не предполагается в качестве самостоятельного критерия. Джон Дьюи в работе «Experience and Nature» (1925) развивает инструменталистскую версию прагматизма, в которой идеи и теории оцениваются по их функциональной полезности для решения конкретных проблем. Ричард Рорти в «Contingency, Irony, and Solidarity» (1989) даёт радикальную современную версию прагматизма, объединённую с позицией *ironist*.

Противоположные позиции. Бертран Рассел в фоновых позициях «Principia Mathematica» (1910-1913) и более поздних работах представляет анти-прагматистский лагерь, защищая объективные основания логики и математики. Тимоти Уильямсон уже назван в Оси 3 как защитник доказательного жанра против прагматистских подходов.

Ось 5 - свобода воли, моральная ответственность, различение человек/действие

Близкие позиции. Бенедикт Спиноза в четвёртой части «Этики» (1677) разворачивает идею модуляции аффектов через работу с адекватными и неадекватными идеями. См. также Оси 1 и 6. Иеремия Бентам в работе «Principles of Morals and Legislation» (1789) формулирует утилитарную психологию, в которой наказание оправдывается исключительно своими последствиями. П.Ф. Стросон в эссе «Freedom and Resentment» (1962) показывает, что *reactive attitudes* вроде резентмента, благодарности и любви остаются реальными эмоциями независимо от того, как разрешается метафизический вопрос о свободе воли. Дэниэл Деннетт в книгах «Elbow Room» (1984) и «Freedom Evolves» (2003)

развивает компатибилистскую позицию, в которой свобода воли понимается как способность к саморегуляции и совместима с детерминизмом. Дерек Перебум в книге «Living Without Free Will» (2001) защищает жёсткий инкомпатибилизм и подробно показывает, что отсутствие либертарианской свободы воли не разрушает этическую и социальную жизнь. Гален Стросон в эссе «The Impossibility of Moral Responsibility» (1994) даёт ключевой аргумент через невозможность конечной моральной ответственности. Буддийская этика держит позицию, при которой действия имеют последствия, но никакого actor'a, который мог бы их «заслужить», за этими действиями не предполагается. Норвежская модель правосудия (тюремны Бастей и Хальден) даёт эмпирическую верификацию того, что консеквенциалистский подход на практике может работать на низкий рецидивизм. Подход Сальвадора при Букеле, включая мегатюрьму SECOT (открыта в 2023, режим исключения с 2022), даёт противоположный по форме пример того, как тот же консеквенциалистский подход в другом контексте даёт жёсткую практику с резким падением уровня убийств при серьёзной цене по другим ценностным метрикам.

Противоположные позиции. Кант в «Критике практического разума» (1788) утверждает либертарианскую свободу воли как необходимое условие моральной ответственности. Роберт Кейн в книге «The Significance of Free Will» (1996) даёт современную развёрнутую защиту либертарианской свободы воли в аналитической традиции.

Ось 6 - этика на натуралистическом основании

Близкие позиции. Эпикур в письмах (IV-III век до н.э.) разворачивает учение об атараксии, понимаемой как состояние спокойствия, достигаемое через расчётливое отношение к удовольствию на длинном горизонте. Дэвид Юм во второй и третьей книгах «Трактата о человеческой природе» (1739) формулирует знаменитую позицию «разум - раб страстей». Разум у него работает как инструмент на службе у страстей, которые задают направление действия. Бенедикт Спиноза в третьей, четвёртой и пятой частях «Этики» (1677) развивает понятие *conatus* и описывает радость как переход к большему могуществу действовать. Джон Лесли Мэки в книге «Ethics: Inventing Right and Wrong» (1977) защищает позицию

морального анти-реализма и развивает error theory о моральных суждениях. Пьер Адо в книге «Философия как способ жизни» (1995) показывает, что для античных школ философия была практикой жизни.

Противоположные позиции. Кант в «Основах метафизики нравственности» (1785) формулирует категорический императив как универсальный нормативный принцип, выводимый из чистого разума. Джордж Эдвард Мур в «Principia Ethica» (1903) защищает non-naturalism в этике и понимает Благо как простое неопределяемое свойство. Дерек Парфит в «On What Matters» (2011) развивает моральный реализм без метафизических обязательств, утверждая, что объективные моральные истины существуют, при этом не требуя метафизического фундамента.

Ось 7 - жанр философии: диалогический и доказательный

Близкие позиции по диалогическому жанру. Сократ, через диалоги Платона, даёт вопросительный метод как древнейшую форму диалогической философии. Поздний Витгенштейн уже назван в Оси 3 как трактующий философию как терапию. Ханс-Георг Гадамер в книге «Истина и метод» (1960) развивает философскую герменевтику и понимание как процесс слияния горизонтов собеседников. Рорти уже назван в Оси 4. Дэвид Бом в эссе «On Dialogue» (1996) трактует диалог как совместное мышление участников.

Близкие позиции по технике разговора. Карл Роджерс в «Client-Centered Therapy» (1951) формулирует принцип безусловного принятия позиции собеседника как условие изменения. Дональд Шён в работе «The Reflective Practitioner» (1983) описывает совместное переописание ситуации участниками. Маршалл Розенберг в «Nonviolent Communication» (1999) даёт практическую технику ненасильственного общения.

Противоположные позиции, защищающие доказательный жанр. Тимоти Уильямсон уже назван в Оси 3. Аналитическая метафизика в целом, включая

Дэвида Льюиса, Сола Крипке и Кита Файна, держит доказательный жанр как стандарт философской работы.

Ось 8 - структурная маловероятность глобального оптимума

Близкие позиции. Кеннет Эрроу в книге «Social Choice and Individual Values» (1951, Нобелевская премия 1972) формулирует и доказывает теорему о невозможности агрегации индивидуальных предпочтений в коллективное при сохранении нескольких разумных условий. Исая Берлин в «Two Concepts of Liberty» (1958) и поздних эссе развивает позицию ценностного плюрализма. Бернард Уильямс в книге «Ethics and the Limits of Philosophy» (1985) критикует попытки моральной философии найти единый критерий. Марта Нуссбаум в «The Fragility of Goodness» (1986) разворачивает несоизмеримость в этике и неизбежность трагического выбора. Чарльз Тэйлор в «Sources of the Self» (1989) описывает множественность источников моральной нормативности в современной личности. Дэвид Уолперт в работе «No Free Lunch Theorems for Optimization» (1997) даёт формальное доказательство того, что усреднённо по всем возможным задачам ни один алгоритм оптимизации не лучше любого другого.

Противоположные позиции. Утилитаристы, от Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля с «Утилитаризмом» (1861) до Питера Сингера, ставят на единственный агрегированный критерий благополучия. Кантианцы держат категорический императив как один формальный принцип, разрешающий конфликты ценностей на уровне обоснования. Платоники в этике, от Платона до Айрис Мёрдок в «The Sovereignty of Good» (1970), держат позицию единого объективного Блага.

Ось 9 - мета-свойство позиции, располагающее к собственной замене

Близкие позиции. Карл Поппер в «Conjectures and Refutations» (1963) развивает понимание науки как последовательности опровергаемых теорий, в которой смена

теории является нормой работы. Имре Лакатош в «The Methodology of Scientific Research Programmes» (1978) даёт более продвинутую версию попперовского подхода, требующую от научной программы порождать новые предсказания и предусматривать собственную деградацию. Уиллард Куайн уже назван в Оси 3 как сторонник позиции, в которой сеть убеждений целиком стоит под прагматическим давлением без центральных неприкосновенных тезисов. Ричард Рорти уже назван в Оси 4 как определяющий позицию *ironist* через постоянное сомнение в собственном финальном словаре. Буддийская метафора плота (источник Алагаддупама-сутта) формулирует учение как средство переправы, от которого следует отказаться при достижении противоположного берега.

Ось 10 - математика и абстрактные объекты

Подробный спектр позиций по статусу математических и абстрактных объектов разворачивается в отдельной заметке «Спектр позиций по абстрактным объектам». Здесь даётся короткий ориентир. Близкие позиции включают Куайна с его натурализованной онтологией, Пенелопу Мэдди в книге «Naturalism in Mathematics» (1997), Джорджа Лакоффа и Рафаэля Нуньеса в книге «Where Mathematics Comes From» (2000) с когнитивно-натуралистическим подходом, и Хартри Филда в «Science Without Numbers» (1980) с программой номинализма. Противоположные позиции включают Курта Гёделя с его математическим платонизмом, Роджера Пенроуза в «The Emperor's New Mind» (1989) и Макса Тегмарка в «Our Mathematical Universe» (2014) с гипотезой математической вселенной. Особняком стоит фигура Юджина Вигнера с восьмистраничным эссе «The Unreasonable Effectiveness of Mathematics» (1960), которое ни в один лагерь однозначно не вписывается.

Ось 11 - эпистемическая гигиена и фальсифицируемость

Близкие позиции. Уильям Кингдон Клиффорд в эссе «The Ethics of Belief» (1877) формулирует эвиденциализм как этическую норму, требующую соразмерности

убеждённости имеющимся свидетельствам. Карл Поппер в «Логике научного открытия» (1934) формулирует фальсифицируемость как критерий научности теории. См. также Ось 9. Томас Байес в посмертно опубликованной работе (1763) даёт формальное правило обновления вероятностей при поступлении новых данных, лежащее в основе байесовского подхода. Даниэль Канеман в книге «Thinking, Fast and Slow» (2011) систематизирует исследования эвристик и систематических когнитивных искажений. Герд Гигеренцер в книге «Risk Savvy» (2014) даёт встречную позицию, показывающую, что во многих контекстах с ограниченной информацией простые эвристики работают оптимально или почти оптимально. Нассим Талеб в книгах «Антихрупкость» (2012) и «Чёрный лебедь» (2007) разрабатывает теорию хвостовых рисков и устойчивости систем к редким событиям большого масштаба.

Особая заметка - культурно-исторический фон

Несколько фигур, формально не философов, дают конструкцию, без которой развиваемая здесь позиция в её современном виде не сформировалась бы. Чарльз Дарвин в «Происхождении видов» (1859) даёт эволюцию без телеологии, что является прямым источником для Оси 1 и Оси 6. Клод Шеннон в работе «A Mathematical Theory of Communication» (1948) определяет информацию как физическую величину, и это косвенно держит связку «знание есть часть происходящего» в Оси 5. Мотоо Кимура в книге «The Neutral Theory of Molecular Evolution» (1983) показывает, что случайный дрейф работает как механизм эволюции наравне с естественным отбором. Это поддерживает позицию «то, что не распалось, осталось» против упрощённого «отбор для приспособленности». Помимо отдельных исторических фигур, развиваемая здесь позиция опирается на корпус современной физики, химии, биологии и нейронауки в целом, который формально не индексируется как один источник, но даёт онтологическое основание для всего натуралистического каркаса. Из синтез-работ, пытающихся собрать это основание в одной доступной форме, ближе всего по духу Шон Кэрролл с «The Big Picture» (2016), где физик строит явное натуралистическое мировоззрение, специально включая в него уровни биологии, нейронауки и социальных наук.

Конструкции, конфигурации, регулярности

Артём Чашечников

2026

acasecnikovs.com

artemchashechnikov@gmail.com

cal.com/acasecnikovs/chat